

Гринуэй дал мне роль странного, лопоухого переводчика

Культура. — 2005. — 18 — 24 АВР. — 18

В конкурсной программе кинофестиваля “Киношок”, который откроется

11 сентября, свой новый фильм “Замыслил я побег...”, созданный уже после выхода одноименного телесериала, представит Мурад ИБРАГИМБЕКОВ.

— Картина “Замыслил я побег...” основана на событиях 90-х годов. Насколько актуально снимать такое кино сейчас?

— Для меня лично это очень актуально, потому что это моя жизнь, это моя страна. И было очень важно посмотреть, что с ней произошло, что стало с людьми и каково лично мое восприятие недавней нашей истории. И одноименный роман Юрия Полякова дал мне такую возможность.

Посмотрите, ведь у нас с 1985 года произошло огромное количество событий, судьбоносных событий, но, как ни странно, ни в литературе, ни в кино я не вижу примеров социополитического их анализа. И мне захотелось такую попытку сделать. Интересно увидеть и зрительскую реакцию на такую “короткую” память. Демонстрация этой картины в Анапе на Кинофестивале стран СНГ и Балтии будет особенно актуальна. Ведь именно все мы, участники, граждане бывшего СССР, имели прямое отношение к тем событиям, и от них начался новый отсчет наших жизней.

— Вам интересно обращаться к истории или разглядывать современность?

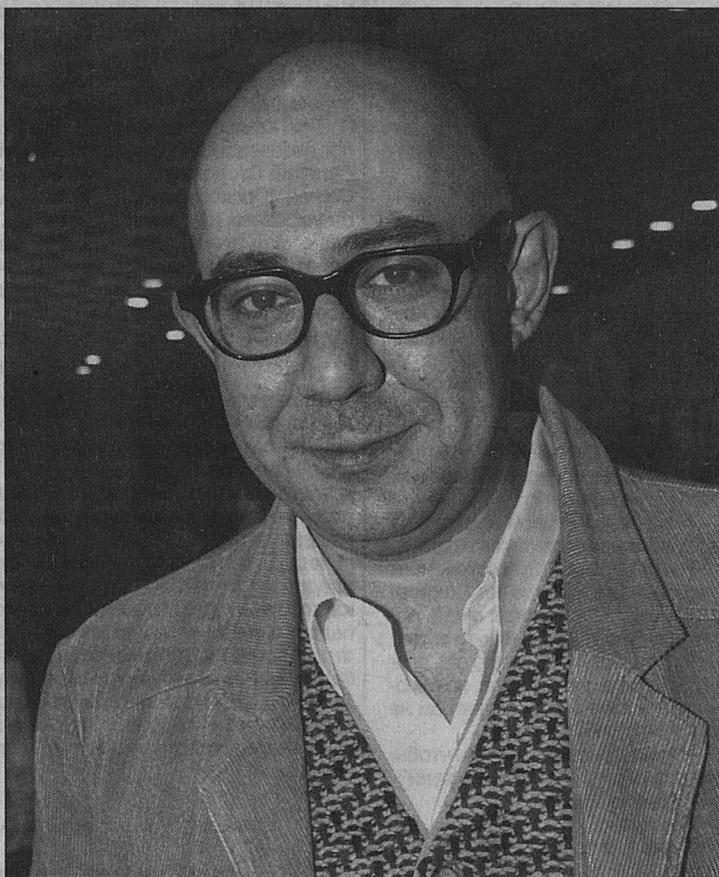
— У меня пока не было исторических картин. И даже тексты Михаила Зощенко (картина “Истинные происшествия”) — это тоже мое время, которое я хорошо понимаю.

— А имеет ли значение место действия, то, где проходят съемки?

— Я не думаю, что география меняет взгляд. Взгляд остается тем же. Условия восприятия новые. Возникают возможности другого языка. Это и другая культура. Другие идеи.

— Человек у горы думает иначе, чем у реки?

— В моем случае — это человек, который думает на берегу моря. И моя последняя картина “Три девушки” и есть история, рассказанная на берегу моря. Это российско-азербайджано-немецкий проект. Если все будет хо-

М.Ибрагимбеков

рошо, я закончу его к концу года. “Три девушки” — это история трех девичьих разочарований в своих возлюбленных. Она имеет вполне закрученный сюжет. Повествование начинается в 1943 году в Африке, куда входят немецкие войска, а заканчивается в Баку в наши дни. Не стану пересказывать сюжет, иначе никто не будет брать билетов в кинозал. Но главное, мне хотелось показать, что все в этом мире связано, и эта взаимосвязь проявляется в очень неожиданных вещах. Совпадения и есть случайность всего текущего.

— Мурад, без преувеличения вас можно назвать москвичом. Чем-то вам по-прежнему близок Азербайджан?

— Азербайджан для меня — лучшее место на земле. Это идеальное место для жизни. Единствен-

ная проблема — там нет работы.

— Жизнь на юге течет совсем по-другому. Там действительно все время происходят какие-то забавные истории.

— Сама жизнь там может быть трагична по сути, как любая другая, но воспринимается по-иному. Может быть, это объясняется климатом, солнцем или пейзажем, но люди все происходящее воспринимают с юмором. Это такая южная привычка. И даже когда эти люди живут в Москве, вокруг них тоже происходят всякие странные истории. Они несут все это с собой. Я убежден, что кавказцы очень полезны для средней полосы России. В Азербайджане, кстати, никогда не было антирусских настроений и ксенофобии. Русских там никогда не воспринимали как оккупантов. Потому что в начале XIX века рус-

ские гарнизоны появились в Азербайджане не вследствие войны России с Азербайджаном, гражданской войны или национально-освободительной борьбы. Это следствие войны двух империй — России и Персии. И влияние русских было очень мягким. Являются ли для нас русские учителями? Без сомнения. Являются ли русские причиной того, что мы имеем собственную государственность? Без сомнения. Специфика восприятия русских другими народами имеет под собой лишь личные обиды. Все получили независимость не благодаря партизанской войне, как это было, например, в Алжире, а все-таки благодаря внутренним проблемам империи, которые существовали в Москве, о чем, собственно, и мой фильм “Замыслил я побег...”

— Вы мусульманин?

— Да. Не очень похож? Многие евреи не похожи на иудеев, а среди русских есть непохожие на православных. Я же никого в этом не укоряю.

— И что исповедует современный московский мусульманин?

— То же самое, что и любой порядочный человек, — нарушение заветов. Не убивать, не врать, не красть, не впадать в уныние... Я убежден, что все религии близки по сути, идеи только выражены в разной культурной форме. По-разному просто записывали. А Бог один. На мой взгляд, ислам, как самая молодая религия, только адаптируется к сегодняшнему дню. И вот мы наблюдаем за живой религией, которая меняется, как все живое. В христианстве за книгу в свое время могли сжечь. За книгу Рушди сейчас могли бы убить. Но мы-то выросли в такой стране, где за книгу могли посадить. Теперь мы удивляемся необычности форм, но ведь суть остается той же самой.

Кстати, один из собственных проектов, который мечтаю сделать, я хотел бы посвятить истории русских радикальных группировок. На историческом примере попытаться разобраться в том, что реально происходит. Самое интересное, что сегодня мы наблюдаем переключки современного псевдорелигиозного террора, который прикрывается знаменем моей религии, с тем, что происходило в 80 — 90-е годы XIX века в Европе и в России под знаменем русского

анархизма. Но для Европы это было страшнее, потому что там уже тогда была упорядоченная жизнь. И они оказались более беззащитными.

— Как все это можно перевести на язык кино?

— Это будет история людей, которые пришли в революцию. Только они пришли в 2005-м. И революция точно такая же, какой она могла быть в 1905-м с точки зрения человека 1890 года. Сегодня это не извращенный интеллектуальный терроризм, а все то же чувство несправедливости, озлобление и мечта, что можно стать сытыми и богатыми. Это попытка исправить мир. И все изощренные картинки, которые нам показывают по телевизору, являются лишь плодом технологических изобретений. Во всяком случае, я точно знаю, что за деньги невозможно заставить человека взорвать себя. Вот этот момент очень важен.

— Вы, Мурад, из известной кинематографической семьи...

— Но меня никто не грузил кино. Я ходил в кинотеатры столько же, сколько все мои ровесники, и мне нравилось. Кстати, мама не хотела, чтобы я был режиссером, а хотела, чтобы я поступал в московский физтех. Ей казалось, что у меня способности и я получу серьезное образование. И думаю, она была права, потому что стать режиссером — шанс вообще не очень-то велик, хотя, впрочем, и хорошим физиком тоже.

— Мурад, порой мы наблюдаем вас в качестве актера.

— У человека с моей дикцией и моей внешностью мало шансов стать актером. Если бы не Лариса Садилова со своей первой картиной “С днем рождения!”, ничего бы такого и не случилось. Мы все учились на одном курсе, и все сокурсники ей помогали. Кто-то носил приборы, кто-то выпивал, а мне выпала роль актера. Потому все это продолжилось в ее же картине “С любовью, Лилия”. И сейчас пришло к тому, что я снялся у Питера Гринуэя в картине “Чемоданы Тульсы Люпера”. В большой роли, как я считаю. Такой большой эпизод.

— А как вы к нему-то попали?

— Питер Гринуэй в Москве проводил кастинг. И на одну роль — русского военного переводчика — все не мог найти актера. Ну и в конце концов, его спрашивают: “А кто вам, собст-

венно, нужен?” — “Да, — отвечает, — такой странный — лысоватый, лопоухий человек, и хотелось бы, чтобы он еще был южанином.” — “Так вот он тут ходит!” — воскликнули хором его помощники, указывая на меня, прогуливавшегося неподалеку.

— И сейчас вы подумываете об актерской карьере?

— Нет. Очень уж у меня маленький шанс востребованности.

— Вы дружите с известными людьми или простыми? С мужчинами или женщинами?

— Все мои друзья — люди такие же простые, как у Стругацких в романе “Понедельник начинается в субботу”. Там есть замечательная фраза про простых людей.

Всем известно, что женщины — это совершенно другой вид. В моей жизни до женитьбы были мои собутыльницы и мои подруги. А сейчас у меня есть моя жена и мои собутыльницы. В этом и есть разница.

— И что такое собутыльники?

— Это персонажи, которые разделяют те же взгляды и жизненные принципы, что и ты. Это те, с кем я могу сидеть за одним столом. И скажу, что стол этот камерный.

— А что точно должны делать мужчины?

— Мужчина должен делать дело, которое хочет, и спать с той женщиной, которую любит.

— Как вы будете проводить время в Анапе на кинофестивале?

— Думаю, все мы, его участники, будем обсуждать на традиционных фестивальных посиделках все те же темы, что и сейчас. Ведь туда собираются вполне просвещенные люди со всего постсоветского пространства. И мне это будет очень интересно. Я вообще трогательно отношусь к этому фестивалю. В Анапе пять лет назад я получил спецприз жюри за картину “Истинные происшествия”, что для меня стало моральной поддержкой. Поэтому для меня Анапа всегда праздник. Ты видишь много красивых, милых и интеллигентных людей. Они ходят по берегу моря. То есть там, где по определению и должны находиться все такие люди. Смотрят хорошее кино. Так выглядит рай.